

В. А. ФЕДОСИК, О. И. ХАНКЕВИЧ

ФЕНОМЕН АНТИЧНОГО ПОЛИСА: СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Двенадцать лет тому назад в академическом журнале «Вестник древней истории» была опубликована статья одного из ведущих советских антиковедов Е. Штаерман «К проблеме возникновения государства в Риме» [1, 76—94]. Несмотря на кажущееся узкоспециальное содержание этой статьи, она вызвала бурную дискуссию среди советских ученых. Дискуссия длилась несколько лет, в ней приняли участие не только антиковеды (причем, из разных стран), но и ориенталисты, и медиэвисты, и философы, и историки права. У многих исследователей статья Е. Штаерман вызвала настоящий шок. Ученый с мировым именем (Е. Штаерман даже называли на Западе «единственным интеллигентным советским ученым») неожиданно обратилась к проблеме возникновения и характера государств древности со строго ортодоксальных марксистских позиций, используя такие марксистские понятия, как «базис», «надстройка», определения государства как «орудия классового господства», «машины для угнетения одного класса другим» и т. п. В результате получились парадоксальные выводы об античном полисе и античном государстве в целом.

Выводы Е. Штаерман сводились к следующему. Ни древнегреческие полисы, ни республиканский Рим не были государствами. Государство же сформировалось у греков с возникновением эллинистических монархий, а в Риме в период времени от диктатуры Суллы до принципата Августа. До этого греческий полис и римская цивитас представляли собой всего лишь «гражданские общины», ибо в них еще не сформировались основные классы рабовладельческого общества и не было «специального аппарата принуждения, отделенного от народа». Получалось, что подлинным государством в древности могла быть только монархия. И это не противоречило положению марксизма о том, что монархия и республика на протяжении всей дальнейшей истории человечества являются только «формами правления».

Эти доведенные до гротеска тезисы ученой вызвали горячие возражения многих советских антиковедов. Мало кто тогда осознал, что статья Е. Штаерман — высокопрофессиональный эпатаж, своего рода научная провокация (в позитивном смысле этого слова). В действительности статья была рассчитана на дискуссию вокруг многих положений марксистско-ленинской парадигмы истории, тогда еще господствовавшей в СССР. Интеллектуальный заряд статьи и был направлен на то, чтобы подвергнуть сомнению, вскрыть односторонность марксистской концепции истории человеческого общества, заставить размышлять о сущности этого общества и государства без идеологических и методологических клише. Впрочем, это се-

годня со всей очевидностью виден эпатажирующий характер одной из последних публикаций выдающегося советского антиковеда. Тогда же к положениям и выводам статьи историки отнеслись с полной серьезностью.

Дискуссия велась, в основном, в рамках еще доминировавшей марксистской парадигмы истории. Но, тем не менее, под сомнение была поставлена сама суть ряда базовых понятий марксизма, прежде всего, государства. Ведь парадокс заключался в том, что ведущие цивилизации древности (древнегреческая и древнеримская), намного превосшедшие почти во всех сферах своей жизни современные им цивилизации Востока, оказывались «безгосударственными» (или «безгосударственными общинами граждан», по выражению одного из участников дискуссии [2, 131]). Следовательно, по утрированным марксистским канонам, античные цивилизации должны выглядеть более отсталыми, чем древневосточные с их деспотиями. Наибольшее замешательство вызвала четкая констатация Е. Штаерман таких очевидных фактов, как отсутствие в полисе бюрократического аппарата — «публичной власти, отделенной от народа», наличие армии как ополчения всех граждан, которую никак невозможно представить как орудие насилия над гражданами. Более того, в применении к древнегреческим полисам до греко-персидских войн и Риму до периода масштабных завоеваний невозможно оказалось подыскать и аргументацию под тезис В. Ленина о том, что «государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» [3, 73]. Ибо где же здесь найти «классы», к тому же антагонистические? О рабах и рабовладельцах никто из участников дискуссии не отважился говорить, так как до «классического рабства» было еще далеко [4, 95; 11, 97]. Робкие попытки выдать за «классы» аристократию и демос, патрициев и плебеев были тотчас пресечены рефлексиями о различиях между классами и сословиями [4, 95—96; 126—127]. Был предложен и нестандартный ход: обычный путь формирования классов из патрициев и закабаленных плебеев был прерван и образование классов пошло другим путем — путем вычленения классовословий — рабов и рабовладельцев [6, 125; 12, 94]. В поисках оправдания тезиса о «публичной власти, отделенной от массы народа», в применении его к полису, в эту «массу» включали женщины, метеков, рабов и вольноотпущенников [7, 73]. Но при этом из «массы народа» удивительным образом выпадал главный элемент полисного общества — сами его граждане. Не менее поразительным было и провозглашение «неповторимого феномена полиса, направившего государственную функцию подавления на массы людей вне гражданского коллектива (и это не только рабы, но и неполноправные, союзники, подданные)» [8, 75].

Однако в ходе дискуссии раздались голоса и о том, что само марксистское определение государства является неверным. Так, А. Большаков отметил: «Классики марксизма видели в нем прежде всего орган насилия и поэтому особенно подчеркивали его отдаленность от общества. Сейчас стало понятнее, что другая функция государства — организация и управление — ничуть не менее важна» [9, 127]. В. Якобсон высказал мысль, что «вряд ли правильно сводить государство к аппарату принуждения, т. е. его государственному механизму, его институтам и учреждениям, и забывать о том, что государство — это прежде всего люди, определенным образом организованный человеческий коллектив» [10, 76]. Но, пожалуй, лишь мнения двух участников дискуссии явно не соответствовали рамкам марксистской парадигмы истории. Это были известный советский медиевист А. Гуревич, уже тогда выделявшийся своей

приверженностью к методологии «новой исторической науки» (или «школы «Анналов»»), и профессор Сорбонны Клод Николе. А. Гуревич обратил внимание на необоснованность применения ряда современных общих понятий к конкретным историческим обществам иных эпох, указал на невозможность отчленения «базиса» от «надстройки», на межличностную природу социальных отношений [13, 101—106]. Взгляд же на эту проблему К. Николе, по существу, был взглядом человека из иного общества, в котором понятие «государство» не отождествляется традиционно с насилием и принуждением. Ученый прямо заявил, что римская *civitas* «действительно не была отделена от общества», а полис был государством, «охватывающим весь гражданский коллектив». При этом, «армия была не чем иным, как вооруженным народом, офицеры и военачальники — выборными магистратами», налоги отсутствовали, избирательное право было всеобщим, все общественные должности были выборными и открытыми для всех, бюрократического аппарата не существовало. Современное понимание слова «государство», делал вывод К. Николе, не следует безоговорочно переносить на римский *civitas* [14, 98].

1991 г. положил конец ожесточенной дискуссии на страницах «Вестника древней истории». Крах марксистско-ленинской парадигмы в постсоветском антиковедении обрел свою очевидную реальность, и рамки разворачивавшейся дискуссии утратили свой былой формат. Однако это отнюдь не означает, что исчезла сама проблема. Что же собой представлял полис, являвшийся на протяжении всей истории античности ее структурообразующим элементом?

В советском антиковедении в течении многих десятилетий господствовало нивелирование специфики древних цивилизаций, которые всевозможными способами пытались втиснуть в рамки рабовладельческой формации. Это была методологическая установка как для антиковедов, так и для ориенталистов. И тем, и другим реализовать ее было весьма сложно. Ориенталисты настойчиво выдвигали концепцию «азиатского способа производства», будучи не в силах найти доказательства тому, что в древневосточных цивилизациях рабы являлись основным классом эксплуатируемых производителей.

В советском антиковедении с треском развалилась концепция «революции рабов и колоннов», приведенной, якобы, к замене рабовладельческого способа производства феодальным. В социальной структуре античных обществ антиковеды СССР главное внимание уделяли рабовладению и классовой борьбе рабов, «отыскивая» ее проявления порой там, где и никаких следов ее не было (типичный пример — «восстание» Савмака).

Историки же других стран интересовались различными сторонами жизни античных обществ, в том числе и реалиями быта свободных людей. Концепция рабовладельческой формации неумолимо принуждала советских ученых рассматривать практически все отношения между людьми в античном полисе сквозь призму отношений «раб — рабовладелец». Вкупе с выводами о социальных отношениях на древнем Востоке, культивировалось мнение, что главным принципом отношений между людьми в древнем мире были отношения господства — подчинения. При этом проблема человека как такового и не ставилась — на первом плане фигурировал «человек-производитель» (под этим подразумевался производитель материальных благ), но не как индивидуум, а как часть макрогруппы (класс, сословие). Впрочем, немало исследователей обращались к теме специфики афинской демократии,

но с непререкаемой констатацией, что эта демократия была рабовладельческой. Изрядная смелость требовалась от историка, чтобы заявить, например, следующее: «Афинская демократия имела самый передовой государственный строй, в условиях которого все полноправные граждане имели возможность управлять своей страной, а государство заботилось о материальном достатке своих граждан и создавало условия для развития культуры» [15, 35]. Термин «гражданское общество» применительно к античному полису в советской исторической литературе использовать было не принято. Этот термин имел западное происхождение, а, значит, зачислялся в инструментарий «буржуазной» исторической науки. Тем более, что еще К. Маркс употребил сокрушительную фразу «рабство гражданского общества», характеризуя современное ему государство; основу же античного государства классик определил как «рабовладельческое гражданское общество» [16, 440].

Марксистской модели исторического развития человечества была присуща глубокая вера в его прогресс. Основой для убежденности в прогрессивном развитии человечества являлся факт несомненного роста в развитии экономики. Бурные успехи в этой сфере жизни человечества стали очевидными уже к середине XIX в. Многие мыслители уже тогда обратили особое внимание на роль материального фактора в эволюции человечества. Позитивизм, например, в своей плюрастической методологии отводил важное место наряду с другими факторами (политическим, биологическим, религиозным) и экономическому фактору в воздействии на исторический процесс. Завороженные идеей технического прогресса, классики марксизма отвели экономической стороне жизни человечества определяющую роль, социальные отношения стали рассматриваться, прежде всего, как производственные. Эти отношения были положены в основу социальной стратификации, а классовая борьба была объявлена движущей силой истории. Конечной целью развития человечества провозглашалось создание бесклассового общества всеобщего равенства, причем строителем этого общества однозначно определялся один из классов последней антагонистической формации (пролетариат, т. е. рабочий класс). Примеры существования обществ на основе социального равенства еще в далеком средневековье (например, государства исмаилитов, сарбердаров, в какой-то мере карматов, история которых длилась от нескольких месяцев до полутора веков, но всегда с одинаковым исходом) попросту игнорировались, либо подвергались искаженной интерпретации. А чтобы вообще отмахнуться от этих и им подобных фактов прошлого, древняя и средневековая история были отнесены к «предыстории» человечества. Подлинную историю следовало начинать с появления пролетариата и вступления его в классовую борьбу. Разумеется, история античного полиса была отнесена к пресловутой «предыстории». Древней истории вообще уделялось мало места в школьном и вузовском обучении (в школах она изучалась 11—12-летними детьми, в вузах — на первом курсе, да и то только на исторических факультетах). Неудивительно, что до сих пор в странах постсоветского пространства подавляющее большинство людей полагает, что гражданское общество, гражданские права являются изобретением нового периода истории. Они утвердились то ли где-то в Англии, то ли во Франции, то ли в США. Исследования же по античной истории долгое время имели клеймо «неактуальных».

Между тем, крушение марксистско-ленинской парадигмы истории вызвало шок среди многих историков в постсоветских государствах. Этот шок можно оха-

рактизовать как методологический. Но даже поверхностное знакомство с многообразием методологии той самой «буржуазной» исторической науки, о «крахе» которой было возведено еще несколько десятилетий тому назад, повергает еще в большее уныние. Надвигается угроза чрезвычайно модного постмодернизма с его отказом от выявления каких-либо кардинальных закономерностей в историческом развитии человечества и установкой на изучение отдельных эпизодов истории (история «во фрагментах» или «осколках»). Не успели как следует освоить аксиологический, антропологический, цивилизационный подходы, а тут вокруг заговорили об очередном крахе истории как науки, об отсутствии у нее профетической (или футурологической, не говоря уже о сотериологической) миссии. Более того, под сомнение поставлена сама идея прогресса человечества. Да что там идея, дальнейшее существование рода людского. Как справедливо заметил в своей статье «Вперед, к Геродоту!» (кстати, это очередной эпатаж, нагнетающий панику) известный московский медиевист М. Бойцов: «Если за вполне очевидным прогрессом технологическим не просматривать параллельного прогресса духовного, то какой смысл в достижениях науки, занятой на три четверти разработкой все более и более изощренных способов изведения рода человеческого?» [17, 20].

Этому же автору принадлежит и еще одно важное наблюдение над жизнью общества в современных развитых странах (у нас пока иная ситуация) — примерное выравнивание способов существования основных групп населения: «В обществе, где, говоря языком социологов, все более увеличивается доля «постматериальных потребностей», рассеиваются, как туман, те массовые классические «социальные интересы», которые способны объединять в стремлении, протесте и борьбе сотни тысяч людей... Когда большинство получило сносные условия для существования, открывается простор интересам не «первичного» плана (а потому массовым), но «вторичного» — куда более разнонаправленным... Вот тут и начинается действительная социальная дифференциация...» [17, 27]. Кстати, основатели марксизма-ленинизма не смогли предвидеть ни в XIX в., ни в начале XX в., что роль движущей силы того же материального прогресса рабочий класс может уступить разуму и квалификации интеллигенции, которую они определяли всего лишь как «прослойку» (да и сейчас ее называют не вполне лестным словом «бюджетники»). А ведь и античное определение раба как «говорящего орудия» отнюдь не является просто крылатой фразой — это абсолютная реальность, причем выраженная весьма цинично. Ибо отсутствие многих источников энергии, механизмов заменялось в древности мускульной силой человека.

Ситуация, сложившаяся ныне в нашей исторической науке, вовсе не является, на наш взгляд, удручающей. Рефлексии о кризисе науки истории удивительным образом напоминают картину вековой давности. Тогда точно так же рассуждали об утрате исторической наукой роли синтезатора исторического опыта в связи с распадом ведущего позитивистского направления на ряд течений, увлекшихся изучением той или иной стороны жизни человеческого общества. Затем наступило время «школы “Анналов”», но и это направление распалось [21, 56—58]. Час нового синтеза непременно наступит, и в нем сольются всевозможные подходы к исследованию истории человечества (и аксиологический, и гендерный, и антропологический, и психонисторический, и культурологический, и цивилизационный). Нам же предстоит терпеливо осваивать эти подходы, пытаться с их помощью по-новому переосмыслить многие явления прошлого. Среди таких явлений античному полису

принадлежит особое место, ибо понимание его сути позволяет сделать весьма интересные выводы о ходе истории человеческого общества.

Если попытаться взглянуть на полис глазами самих людей античности (памятуя принцип М. Блока и Л. Февра, что «в историческом источнике запечатлено иное сознание, что перед нами — “Другой”» [18, 354]), то можно отчетливо увидеть, что граждане полисов и жители древневосточных монархий не могли понять друг друга не только из-за различий в языке, религии или быту. Коренное различие между ними заключалось в отношениях между людьми в обществах, к которым они принадлежали. И это явственно выступает уже в труде «отца истории» Геродота. Уроженец греческого Галикарнаса посетил немало восточных стран, оказавшихся под персидским владычеством. В Египте его внимание привлекли, конечно же, огромные пирамиды в Гизе. Геродот был потрясен рассказами местных жрецов о том, что каждая пирамида — это усыпальница лишь одного человека, пусть и фараона. Разумеется, он размышляет, каким образом можно было построить такое гигантское сооружение. Но Геродота занимают отнюдь не сами приемы строительства и архитектурные расчеты — это для него второстепенный вопрос. Центральное место в его повествовании о пирамиде Хеопса занимают рассуждения о том, сколько денег могла стоить эта постройка, ибо огромные суммы должны были пойти на оплату труда рабочих, на их пропитание, на строительные материалы и т. д. Он охотно верит нелепому слуху, что, якобы, дочь фараона зарабатывала пропущенной недостающие для строительства средства. Гражданину полиса и в голову не приходила мысль, что никаких собственных денег фараону не нужно было тратить — подвластные ему десятки тысяч подданных соорудили огромную пирамиду лишь по воле своего владыки, только потому, что он господин, а они — его подданные [19, 119—120].

Обращаясь к истории греко-персидских войн, Геродот описывает недоумение персидского царя, поинтересовавшегося, почему греки пренебрегают остальными своими делами во время Олимпийских игр и что означает победа на них. Владыка Персии никак не мог понять ценность награды олимпионика, состоявшей из венка, сплетенного из ветвей дерева, равно как и сам смысл спортивных состязаний, вызывавших всеобщий энтузиазм греков [19, 384]. А узнав, что греки обсуждают важнейшие государственные дела на площади, царь Кир объявил, что такой народ не может внушать ему страха. В древневосточных цивилизациях отношения между людьми строились по модели: господство — подчинение. Любопытно, что, по мнению ряда востоковедов, древневосточные языки даже не имели эквивалента для понятия «свободный», а само это представление сложилось только в греческих полисах [20, 39]. Типичным государством Востока была деспотия (от древнегреческого *despotes* — господин, хозяин). В таком государстве действительно существовала власть, «отделенная от массы народа», и «социальный аппарат принуждения». Законом здесь была воля монарха, даже своды права обычно составлялись от его имени. Тот же деспот был высшей судебной инстанцией, любой подданный (независимо от его ранга в обществе) мог стать жертвой произвола властителя. Персона самодержца была вознесена на недостижимую высоту над его подданными, окружалась, как правило, священным ореолом. Деспот управлял государством, опираясь на разветвленный бюрократический аппарат из многочисленных чиновников, полностью подконтрольных ему. Военной опорой правителя была постоянная армия, находившаяся на его содержании и выполнявшая его приказы.

Классическим деспотическим государством принято считать «Царство Шумера и Аккада» (или державу III династии Ура) в Месопотамии, устройство которого досконально известно по текстам огромного количества (около 100 тыс.) глиняных табличек. Практически все эти таблички — отчетные документы, которые вели государственные чиновники. Вся земля в «Царстве Шумера и Аккада» являлась собственностью государства, т. е. деспота. Купля-продажа земли была строго запрещена; большая ее часть была включена в огромное царское хозяйство. Все работники этого государства (земледельцы, скотоводы, рыбаки, носильщики, ремесленники) были распределены по рабочим отрядам. Целыми днями (без выходных) они обязаны были выполнять свои работы, получая за это паек, выдававшийся чиновниками. Для учета и контроля требовалось огромное количество чиновников, основной функцией которых был всеобщий учет и контроль, выработка норм и планов. Определялось, что, где и когда сеять, убирать, какие изделия и в каком количестве изготавливать, что разгружать и что переносить. Для ремесленников существовал строгий учет выданного им сырья и изготовленных изделий. Над чиновниками-распорядителями стояли чиновники-контролеры. Чиновники получали содержание от деспота. Воины армии также находились на пайке. Торговля велась только через специальных государственных торговых агентов. Никто не смел разбогатеть без санкции на то деспота, и тем более быть богаче его самого. Вся эта, казалось бы, отлаженная машина принуждения и контроля, просуществовав около ста лет, развалилась в одночасье от внешнего толчка. В поисках новых пастбищ по землям государства III династии Ура прошли со своими стадами пастушеские племена амореев. Это тут же вызвало голод населения, у которого не было даже подсобных хозяйств. Вспыхнувшие мятежи положили конец наиболее раннему и показательному шумеро-аккадскому деспотическому царству [22, 57—67].

Отношения господства — подчинения в древневосточных цивилизациях формировали у подданных монархов такие качества, как лесть, унижение и раболепие перед носителем власти, стремление выслужиться перед ним, ибо от этого зависело материальное благополучие. Собственно, последнее и составляло единственно возможный простор для инициативы индивидуума. Чиновнику было присуще презрительное и властное отношение к тем, кто занимал в обществе более низкое место. Но он мгновенно изменял свое поведение перед сановником более высокого ранга — чванливость и изображение собственной значимости тотчас уступало место подобострастию, лести, желанию услужить.

Греки же, например, с презрением относились к восточному обычаю падать на колени или ниц перед носителем власти, целовать его ноги или край одежды. Когда одурманенный успешными завоеваниями и собственным величием Александр Македонский ввел при своем дворе в Вавилоне обычай проскинесы (коленипреклонения), то у прибывшего туда из Македонии Кассандра это вызвало приступ неудержимого хохота [23, 448]. Взбешенный Александр избил македонянина. Однако в скором времени тот же Кассандр предаст смерти мать, жену и наследника великого завоевателя. Свободолюбивые греки полагали, что подобные обычаи, поведение и качества характера подданных восточных деспотов присущи рабам и недостойны свободного человека. Поэтому к «варварам» эллины относили не только окружавшие их отсталые племена, но и восточных деспотов и их многочисленных подданных [24, 62]. Именно для таких «варваров» был уместен вопрос: «Кто правит

в государстве?» Греков же со времен Аристотеля интересовало иное: «Правит ли в государстве закон и одинаков ли он для всех граждан?» [20, 61].

Термином «полис» греки обозначали свой город, государство, совокупность полисных граждан. Римляне же определяли коллектив граждан как *civitas* — отсюда и слово «цивильный» во многих современных языках с его смыслом «гражданский». Такой город-государство, как правило, был небольшим по территории — сам город (иногда несколько городов) и прилегающая сельская округа. Гражданами полиса могли быть только достигшие совершеннолетия мужчины, являвшиеся потомками граждан своего полиса. Женщины, переселенцы из других полисов, рабы не включались в число полисных граждан. Политическое устройство полиса можно охарактеризовать как демократию, т. е. власть демоса (народа), причем это было прямое народоправство. Именно демократия составляла основу организации полисного общества. Разумеется, в каждом конкретном случае (будь то Афины, Спарта, Рим) существовали и свои вариации, но они не должны заслонять сути явления. Тем более нельзя подходить к особенностям строя различных полисов с понятиями, которые хотя и имеют античное происхождение, но ныне приобрели несколько иной смысл, чем тот, который вкладывали в них античные мыслители. Рассуждая, например, об олигархическом строе Спарты, следует помнить, что и там все законы принимались только общим собранием граждан-спартиатов; эфоры (в которых часто видят воплощение олигархии) избирались тем же народным собранием и только на год. Принцип краткосрочности избрания на должности, в общем-то, не нарушался и при избрании членов совета старейшин — геронтов. В этот коллегиальный орган власти доступ был открыт лишь для спартиатов не моложе 60 лет (а какова тогда была средняя продолжительность жизни?).

Именно в античном полисе возникли понятия «гражданин», «гражданские права». Каждый полноправный житель полиса имел право лично участвовать в принятии законов, т. е. в законодательной деятельности. Он имел также право избирать представителей исполнительной и судебной власти и быть избранным на эти должности. Признать виновным гражданина полиса можно было только по решению суда, а не по чьей-то прихоти. Только гражданин полиса имел право на земельную собственность на территории своей общины. И только граждане имели право с оружием в руках отстаивать интересы родного полиса — армия, таким образом, представляла собой ополчение граждан. Таких прав не имели подданные восточных монархов. Высшим законодательным органом любого полиса было народное собрание, где решения принимались простым большинством голосов. Там же решались и наиболее важные вопросы управления полисным государством, объявления войны, заключения мира. Разумеется, народное собрание не могло заседать постоянно (в Афинах, например, оно собиралось 40 раз в течение года). Подготовкой вопросов, выносимых на решение народного собрания, и вопросами текущей политики занимался специальный совет (совет 500 в Афинах, герусия в Спарте, сенат в Риме). Как правило, состав такого совета избирался народным собранием, либо комплектовался из бывших магистратов (в Риме).

Текущими же делами управления полисом занимались магистраты — избиравшиеся на народном собрании представители исполнительной власти. Для ordinарной магистратуры обязательными были коллегиальность (на одну и ту же должность избиралось не менее двух человек, а то и 10, как народных трибунов в Риме, так и

стратегов в Афинах), краткосрочность (обычно на срок не более года), подотчетность народному собранию (в Афинах, например, магистраты отчитывались не менее 10 раз, а народное собрание могло признать их отчеты неудовлетворительными и сместить с должности до окончания срока магистратуры), отсутствие оплаты исполнения магистратских обязанностей. Никакого постоянного аппарата чиновников, без которого невозможно существование любой монархии, в полисе не было. Не существовало здесь и такого явления, как служебный карьеризм ради личного обогащения. Но стремление к занятию магистратур у граждан полиса существовало — это было ярким проявлением духа агоны (соревновательности) в благородном деле бескорыстного служения всему коллективу граждан. Судебные функции в полисе осуществлялись как народным собранием (по наиболее важным делам), так и магистратами и специальными органами (например, афинской гелиэей, состоявшей из несколько тысяч избранных по жребию граждан).

В принципе, в полисе уже можно заметить начало разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, хотя четкого их разделения в античности не существовало. В полисах не было налогов на граждан, этого главного источника существования любой деспотии. Налоги были, как правило, только чрезвычайными — в случае войны, иных бедствий. Одним из принципов жизни полиса было стремление недопущения чрезмерной бедности одних граждан и чрезмерного обогащения других. Почетным долгом богатых граждан было выполнение ими литургий — расходования собственных средств на общественные нужды: постройки общественных сооружений (храмов, театров, водопроводов, стадионов и т. д.), устроительство зрелищ, снаряжение кораблей, раздачи продовольствия и т. д.

У граждан полиса сложилась своя система ценностей, принципиально отличная от таковой у подданных восточных монархов. К числу высших полисных ценностей относились свобода индивидуума (утрата ее являлась самым тяжелым несчастьем), равенство всех граждан перед законом и в правах, патриотизм, коллективизм и солидарность граждан. Полис для греков и римлян был высшим благом. Он был тем маленьким миром, где гражданин в наиболее полной мере ощущал свою независимость, свое благосостояние и свою защищенность. Отсюда и то высокое чувство солидарности граждан полиса, интересы которого они ставили выше личных или узкосемейных. Коллективизм жителей полиса, их гражданская солидарность превосходно сочетались с высокой ценностью отдельной личности. Это не была безликая масса подданных. Именно в полисе зародились принципы нравственного совершенствования личности, осознание ею возможности выбора и ответственности. Тогда же был сформулирован и постулат духовной жизни: человек, достигнув определенного уровня удовлетворения своих материальных потребностей, должен, во избежание саморазрушения, переключить устремления на достижение духовных, облагораживающих личность целей. Нарушение этого принципа не проходит без ущерба ни для отдельного человека, ни для народа в целом. Именно поэтому греки и римляне стремились так наладить хозяйство, общественную жизнь и отдых, чтобы они обеспечивали оптимальные условия жизни (как они понимались в ту эпоху). Полисная помощь и солидарность были так велики, что грекам и римлянам, в отличие от древневосточных государств, удалось уничтожить долговое рабство. Рабство соплеменников таило в себе опасность для еще неокрепших полисов: оно истощало внутренние силы и подрывало боеспособность

ополченческой армии в борьбе с внешним врагом [20, 66—67]. Интенсивное развитие рабовладения у греков было связано с широким колонизационным движением — жители греческих колоний покупали рабов у местного населения. В Риме главным источником рабства были бесконечные войны. Но и в том, и в другом случае рабы являлись чужеземцами. Гражданин полиса не заискивал, не льстил, не лгал и не унижался перед избранным им представителем исполнительной власти. Ведь через короткий промежуток времени они могли поменяться местами. Обращение со словом «господин» гражданина к гражданину считалось оскорблением. Так, по мнению греков и римлян, могли вести себя только рабы по отношению к своему хозяину, равно как и заискивать, льстить и унижаться. В их глазах такими же позорными качествами обладали и подданные древневосточных деспотов.

Путь к полису у греков и римлян был не простым. Полис не возник у этих народов сразу с переходом их на стадию цивилизации. Первые цивилизации Европы — критская (минойская) и микенская типологически ничем не отличались от древневосточных — те же монархии, те же отношения господства — подчинения, рабочие отряды тружеников, огромная армия чиновников (и первая письменность в Европе возникла как результат потребности чиновничьей бюрократии в учете и контроле). Центрами жизни этих цивилизаций были огромные дворцы правителей, отсюда их и называют «дворцовыми». Критская цивилизация явно была не греческой, но микенскую создали уже греки-ахейцы. Конец развития этих первых цивилизаций Европы положило нашествие отсталых народов с севера, среди которых были и греки-дорийцы. Следующие три века истории Греции (так называемая «Гомеровская Греция») ученые без особых симпатий называют то «темными веками», то упадком, то застоєм. Да, первые цивилизации исчезли, и Греция была отброшена назад в своем развитии. Но вместе с тем, кто рискнет предположить, что без накопления энергии в эти «темные века» появился ли бы в Европе полис — общество, принципиально отличное от того, что уже сложилось ранее на Востоке (где и просуществовало в течение тысячелетий) и пыталось прижиться в крито-микенской Европе? А ведь именно полис еще в глубокой древности явил человечеству образец иной жизни людей в обществе, которая возможна без отношений господства — подчинения.

Но и становление этого нового в рамках древности государства и общества происходило отнюдь не плавно и спокойно. В ранней истории каждого полиса мы встретим период правления царей, всевластия родовой аристократии. Это вкуче с быстро растущим неравенством привело к распространению долгового рабства, обезземеливанию, несправии основной массы народа, острой социальной борьбе, которая грозила перерасти в самоуничтожение раннегреческого общества. В таких условиях во многих греческих государствах появилась тирания. Тираны захватывали власть, отстраняя от нее родовую знать и пользуясь поначалу поддержкой демоса, популистски обещая исполнение всех его основных требований: отмены долгов и долгового рабства, передела земли, равенства в правах. Но ни один из тиранов никогда не выполнил своих обещаний. Их главной заботой было сохранение личной власти, собственное материальное благополучие и личная безопасность, обеспечиваемая надежной и преданной охраной. Только Рим избежал тирании — социальные противоречия были там не такими острыми. Демос же в греческих государствах довольно быстро осознал тщетность своих надежд на тиранов. Почти по-

всемерно тирания была свергнута (немногие из тиранов сумели умереть естественной смертью и передать власть своим наследникам). Тирания оказалась своего рода тщетной иллюзией, она практически не ослабила противоречий внутри греческого общества, за исключением, может быть, некоторого ослабления могущества аристократии. Впрочем, в советском антиковедении существовали и иные оценки тирании. Например, в 1930—1950-х годах писали, что тирания — это «разновидность народного правления», или: «тирания содействовала развитию рабовладельческой демократии» [25, 474; 26, 25]. Чем были вызваны такие оценки, догадаться совсем не сложно. Неудача разрешить острейшие общественные противоречия с помощью тирании повлекла за собой новые поиски. Итогом их стала деятельность выдающихся законодателей (Солона, Клисфена, Ликурга, Залевка, Сервия Туллия и др.). Их деятельность, получив поддержку народа, привела к оформлению полиса в Греции и его аналога — *civitas* в Риме, что означало создание цивилизации, не имевшей себе аналогов.

Полис являлся первым опытом гражданского общества в истории человечества. Разумеется, первый опыт был весьма несовершенным. Граждане полиса составляли небольшую часть жителей городов-государств. Женщины, переселенцы, рабы оставались за пределами коллектива граждан. Женщины — матери, сестры и дочери граждан — обладали крайне низкой правоспособностью. Не имевшие гражданских прав метеки, периэки и им подобные категории населения были принуждены платить налоги. В отношении же рабов в полной мере действовали отношения господства — подчинения. Впрочем, как ни удивительно, советские историки, увлеченно занимавшиеся изучением рабовладения, так и не осуществили обоснованных подсчетов доли рабов в общей массе населения античных полисов (даже в Афинах во времена Перикла) [10, 72]. Ныне же в историографии преобладает мнение, что доля рабского труда не превышала доли труда свободных тружеников [20, 101—102; 27, 57]. Еще в рамках античных цивилизаций полисные общественные отношения уступили место другим. Не вдаваясь во все сложности проблемы кризиса античного полиса, отметим только, что эпоха Римской империи означала исчезновение полиса в его классическом виде. Здесь не было какого-то революционного рывка — режим принципата в Риме декларировал восстановление добрых старых нравов, а в 212 г. гражданские права были предоставлены едва ли не всему свободному населению империи. На деле же принципат был монархией, сохранявшей ширму республики. Граждане Римской империи в реальности не имели гражданских прав — народные собрания перестали созываться, сенат послушно санкционировал предложенные императором и его администрацией законы. Магистратов избирал по указке императоров-принцепсов сенат, состав которого формировался императорами из числа тех же бывших магистратов. Оставаясь формально гражданами, свободные люди Римского государства в реальности превратились в подданных императоров.

Эпоха средневековья дает нам картину окончательного утверждения отношений господства — подчинения во всех цивилизациях тогдашнего мира. И лишь деятели Возрождения воскресили забытую идею (и только идею!) гражданского общества. Именно возрождение этой идеи было главной заслугой таких мыслителей, как К. Салютати, А. Риннуччини, Л. Бруни, М. Пальмиери, П. Браччолини, Дж. Манетти. Разумеется, пробуждение интереса к античному культурному наследию и

философской мысли также имело важное значение, но феномен Возрождения нельзя сводить только к этому, как это делалось в марксистской медиевистике с ее парадигмальной установкой, что при переходе к новой формации «реакционный базис» ликвидируется, а из «надстройки» сохраняются только «подлинные ценности в области культуры и нравственности». Конечно же, отношения между людьми в обществе, которые выводились из производства материальных благ, в этот перечень «подлинных ценностей» не включались. А ведь еще Джанотто Манетти сформулировал великое определение: «Человек — социальное и гражданское животное» [28, 17].

XVIII век — эпоха Просвещения — принес с собой практическое воплощение идеи гражданского общества, прав гражданина, причем и в Европе, и в далекой Америке. Откроем французскую «Декларацию прав человека и гражданина» (1789 г.): «Статья 1. Люди рождены и остаются равными в правах... Статья 3... Никто не может осуществлять никакую власть, не происходящую прямо от нации... Статья 6. Закон является выражением общей воли. Каждый гражданин имеет право участвовать лично или через своих представителей в его создании... Статья 7. Никакая особа не может быть обвинена, арестована или подвергнута заключению, кроме как по судебному решению и в соответствии с нормами, предписанными законом... Статья 16. Общество имеет право требовать от каждого общественного должностного лица отчета о его деятельности...» [29, 186—188]. Разве это ничего не напоминает? Здесь отражены совершенно те же принципы отношений между людьми, те же основы общественного и государственного строя, что и в античном полисе.

История нового и особенно новейшего времени складывается так, что все больше и больше людей в мире живет в условиях гражданского общества, причем реального, а не декларированного. Современное гражданское общество, разумеется, существенно отличается от своего античного прототипа. В нем последовательно изживаются отношения господства — подчинения с их уродливыми моральными и духовными ценностями («выдавливать из себя раба» — прекрасная характеристика этого процесса), реальное равноправие граждан охватывает и те категории населения, которые ранее не пользовались ими полноценно (женщины, иммигранты, люди другой расы и веры и т. д.). Сфера же действия отношений господства — подчинения там, где люди никогда не знали и не представляли себе иного типа отношений индивидуумов в обществе, неумолимо сокращается. Прогресс в этой важнейшей сфере существования человечества пока не так очевиден, как прогресс в сфере материального производства, технике. Он отнюдь не так прямолинеен и безусловен, но, может быть, главная миссия историка именно в постижении его сути?

ЛИТЕРАТУРА

1. Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1985. № 2.
2. Чернышев Ю. Г. Раннеримское государство или «безгосударственная община граждан»? // Вестник древней истории. 1990. № 2.
3. Ленин В. И. О государстве. // Полн. собр. соч. Т. 39.
4. Маяк И. . I. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима // Вестник древней истории. 1989. № 3.

5. Ким С. Р. Виды антагонизмов в древнеримском обществе // Вестник древней истории. 1990. № 2.
6. Егоров А. Б. Борьба патрициев и плебеев и Римское государство // Вестник древней истории. 1990. № 2.
7. Андреев Ю. В. Гражданская община и государство в античности // Вестник древней истории. 1989. № 4.
8. Трухина Н. Н. Римская *civitas* III—II вв. до н. э.: архаичный раннеклассовый социум или государство? // Вестник древней истории. 1989. № 4.
9. Большаков О. А. Определение государства требует уточнения // Вестник древней истории. 1990. № 2.
10. Яковсон В. А. Государство и социальная психология // Вестник древней истории. 1989. № 4.
11. А. Кологресски Калоньезе. Формирование государства в Риме (точка зрения историка права) // Вестник древней истории. 1990. № 1.
12. Кошленко Г. А. К дискуссии о возникновении государства в древнем Риме // Вестник древней истории. 1990. № 1.
13. Гуревич А. Я. О генезисе феодального государства // Вестник древней истории. 1990. № 1.
14. Николае К. Римская республика и современные модели государства // Вестник древней истории. 1989. № 3.
15. Никальская Р. А. Государственное устройство афинской демократии // Ученые записки БГУ. Серия историческая. Вып. 30. Мн., 1956.
16. Маркс К. Критические заметки к статье «Король прусский и социальная реформа» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
17. Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999.
18. Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
19. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. Стратановского. Л., 1972.
20. Ханкевич О. И. Древние цивилизации. Мн., 2000.
21. Федосік В. Праблемы метадалогіі святовай гісторыі ў Беларусі // Гістарычны альманах. Т. 4. Гародня, 2001.
22. История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 1997.
23. Плутарх. Александр // Плутарх Херонейский. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963.
24. Фролов Э. Д. Развитие противоположности эллинов и варваров в архаическую эпоху // Десятая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. М., 1987.
25. Никальская Р. А. Раннегреческая тирания // Ученые записки БГУ. Серия историческая. Вып. 16. Мн., 1956.
26. Макаров И. А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // Вестник древней истории. 1997. № 2.
27. Ferguson E. Baskgrounds of Early Christianity. Grand Rapids, Michigan, 1993.
28. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Ч. I. Саратов, 1984.
29. The Great Documents of Western Civilization. New York, 1967.